

Дамы плаща и кинжала

Елена Арсеньева

**Мальвина с красным
бантом (Мария Андреева)**

«ЭКСМО»

2004

Арсеньева Е. А.

Мальвина с красным бантом (Мария Андреева) / Е. А. Арсеньева — «Эксмо», 2004 — (Дамы плаща и кинжала)

ISBN 978-5-425-04725-0

Кто заподозрит шпионку в прекрасной женщине, которую принимают в высшем обществе или даже при дворе самодержцев? Но именно такие дамы оказывались зачастую самыми надежными агентами – ведь кому, как не обходительной прелестнице приятно поведать свои тайны сильным мира сего?.. А уж способами обольщения и умением напускать тумана и загадочности эти красавицы владели в совершенстве. Некоторые из них так и унесли свои секреты в могилу, а некоторые вдруг столь удивительную карьеру заканчивали – и становились обычными женщинами. Но что оставалось с ними навсегда – это авантурный дух и стремление убежать прочь от рутины обывательской жизни. Зоя Воскресенская, Елена Феррари, Лиля Брик – о тайной и явной жизни этих и других «дам плаща и кинжала» пойдет речь в захватывающих исторических новеллах Елены Арсеньевой...

ISBN 978-5-425-04725-0

© Арсеньева Е. А., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Елена Арсеньева

Мальвина с красным бантом

Мария Андреева

Мир догадок и тайн... Мир коварства и обмана, в котором как рыбы в воде чувствовали себя не только мужчины, но и женщины. Выведать государственную тайну, оказать влияние на политику целой страны или поведение некоего выдающегося человека, организовать убийство императора или полководца – они справлялись с этими заданиями с той же лихостью, что и их коллеги сильного пола.

Их сила была в их слабости.

Виртуозные притворщицы, они порой и сами не могли отличить свою ложь от своей правды. Именно поэтому в эти игры охотно вступали актрисы: каждая из них мечтала об амплуа главной героини интриги! Бывало, впрочем, что и добропорядочные мужние жены, вдруг ощутив в крови неистовый вирус авантюризма, вступали на тот же путь.

Каждая из них вела свою роль под маской невидимки. Великую роль – или эпизодическую, ведущую – или одну из многих. Кто-то из них вызывает восхищение, кто-то – отвращение.

Странные цели вели их, побуждали рисковать покоем, честью, жизнью – своими и чужими. Странные цели, а порою и непостижимые – тем более теперь, спустя столько лет и даже веков. Хотя... ведь было же когда-то сказано, что цель оправдывает средства. Для них это было именно так.

Познакомившись с нашими российскими дамами плаща и кинжала, можно в том не сомневаться.

– Мадам, я потрясен, я глубоко сочувствую вашему горю, но... – полицейский комиссар деликатно кашлянул, – но вы же признаете, что это написано рукой вашего мужа?

Женщина, сидевшая на стуле вполоборота к комиссару и неотрывно смотревшая на нечто, лежащее на диване и накрытое простыней, отчего затейливый, изящный диванчик казался громоздким, несуразным и пугающим сооружением, повернула голову и уставилась на комиссара невидящими глазами. Зрачки ее были расширены, словно дама накапала в глаза белладонны. Губы ее дрожали так, что лишь со второго или третьего раза ей удалось выговорить:

– Почерк очень похож на его. Но это подделка, подделка! Он не мог!

Она неплохо говорила по-французски, но иностранный акцент сразу чувствовался. Впрочем, это было неудивительно: во-первых, в «Руайяль-отеле» на рю-дю-Миди в Каннах жили сплошь иностранцы (и очень богатые иностранцы!); во-вторых, комиссару Девуа уже было известно, что дама, с которой он сейчас беседовал, – русская, зовут ее Zinette Morozoff, а то, что лежит на диване, еще несколько часов назад было ее мужем, русским миллионером и *homme d'affaires*¹ с непривычным для его французского уха именем Савва.

¹ Деловой человек, бизнесмен (*фр.*).

Кто бы мог подумать, что этот день, 13 мая 1905 года, окажется ознаменован трагедией! Вдобавок очень загадочной трагедией.

Когда комиссара конфиденциально вызвали в «Руайяль-отель» (здесь умели хранить тайны постояльцев, но *такую* тайну не утаишь, совершенно по пословице «la vérité finit toujours par percer au dehors»!²), ему шепотком сообщили, что мсье Морозофф покончил с собой. Однако лишь только Девуа вошел в роскошный номер, который немедленно заставил его почувствовать себя не уважаемым человеком, а нищим голодранцем, как красивая дама в смятом, запачканном кровью платье оттолкнула человека, который подносил ей склянку с остро пахнущим лекарством, и кинулась к полицейскому с криком:

– Моего мужа убили! Я видела человека, который его застрелил!

– Мне сообщили о самоубийстве... – растерялся комиссар.

Но мадам повторила:

– Я видела этого человека!

– Успокойтесь, Зинаида Григорьевна, – мягко сказал человек со склянкой в руке. Потом комиссар узнал, что это был доктор семьи Морозофф. Несмотря на варварскую фамилию – Селивановский, он вполне прилично говорил по-французски. – Выпейте это.

Дама проглотила лекарство одним глотком, утерлась тыльной стороной изящной ручки (комиссар Девуа от кого-то слышал, будто русские именно так пьют свой национальный напиток – чистый спирт) и принялась рассказывать:

– Я вернулась в отель с прогулки очень усталая. Вошла в номер, села в кресло и только хотела позвонить, чтобы мне принесли чаю, как услышала голос мужа. Он с кем-то говорил. Ответов собеседника слышно не было, да и его собственных слов я не могла разобрать, но в голосе Саввы звучали ярость и отвращение. Я встревожилась, начала подниматься с кресла, как вдруг за стеной послышался громкий хлопок. Какое-то мгновение я смотрела на дверь, ничего не понимая. И только через минуту осознала, что это был выстрел. И тотчас раздался новый выстрел – чуть тише первого. От изумления и испуга я даже не сразу смогла подняться, но наконец справилась с собой. Кинулась к двери – она оказалась заперта! Я принялась трясти ее, кричать, звать моего мужа. Наконец каким-то отчаянным рывком мне удалось ее распахнуть...

Комиссар покосился на дверь. Да, рывок был и впрямь отчаянный! Золоченая задвижка была наполовину сорвана. Русские женщины не только очень красивы, но и очень сильны...

– Я вбежала в комнату, – продолжала мадам Морозофф. – Савва лежал на диване, запрокинув голову. На полу валялся его «браунинг».

– Вот этот? – уточнил комиссар Девуа, указывая на револьвер, лежащий на столе на чистой салфетке.

– Да.

– Это оружие принадлежало вашему мужу?

– Мне кажется, да, – не слишком уверенно ответила Zinette. – У него был «браунинг». Наверное, этот.

Ну, комиссар Девуа слишком много хочет от нее. Для женщин все револьверы одинаковы, они вряд ли отличат «браунинг» от «маузера», особенно находясь в таком состоянии, в каком находится сейчас эта Zinette. На его взгляд, она совершенно потерялась. Говорит о двух выстрелах, а между тем в барабане не хватает только одной пули. Несоответствие сразу насторожило Девуа, и доверия к рассказу русской дамы у него поубавилось.

– Ну и что было потом? – осторожно задал он новый вопрос.

– Мне почудилось какое-то движение за окном, – пробормотала мадам Морозофф. – Я мельком взглянула и увидела фигуру человека, бегущего по дорожке сада.

² Французский аналог пословицы «Шила в мешке не утаишь».

– Вы можете его описать? – быстро спросил Девуа.

Zinette покачала головой:

– Помню только, что он был в сером костюме. Или в коричневом?... Я не присматривалась. Я еще ничего не понимала. До меня не сразу дошло, что мой муж лежит на диване мертвый, с закрытыми глазами.

– Обратите на это внимание, комиссар! – вмешался доктор. – С закрытыми глазами! Причем я потом спросил Зинаиду Григорьевну: она ли закрыла глаза покойному? Она клянется, что нет. Но тогда кто сделал это?

Вопрос был риторический: откуда комиссар знал, *кто*? Ни в какого загадочного мужчину в сером (а может, коричневом) костюме он не верил. То есть мужчина вполне мог идти или даже бежать по садовой дорожке, но то был постоялец отеля, только и всего. Девуа не сомневался в этом ни единой минуты. Мадам Морозофф все еще не в себе, вот и не помнит, как закрыла глаза мертвому мужу. Совершенно машинально. Впрочем, это объяснимо. Если чуть ли не в твоём присутствии покончил с жизнью горячо любимый супруг...

Хотя, честно говоря, вряд ли такая изысканная дама, как Zinette, могла любить грузного, невысокого, с некрасивым азиатским лицом человека, чей труп лежал на диване, подумал комиссар Девуа. С другой стороны, Морозофф был, по слухам, ходившим в Канне с момента прибытия в город этого грубоватого русского (а вернее, татарина), баснословно богат, а деньги способны любой недостаток превратить в достоинство! Быть может, Zinette боится, что о ней начнут злословить: довела-де мужа до самоубийства?

И в эту минуту комиссар увидел, что вместе с носовым платком мадам Морозофф сжимает в кулачке какую-то бумажку. Девуа осторожно вынул ее из дрожащих пальцев Zinette и развернул.

Да ведь это записка! Шелковистая бумага цвета слоновой кости (на такой бумаге только любовные послания писать!), размашистый почерк, буквы так и пляшут: чувствовалось, строки написаны в минуту крайнего волнения. Вот только что именно здесь написано? Господин самоубийца писал, разумеется, по-русски, не заботясь о том, что расследовать обстоятельства его смерти придется французской полиции. Крайняя безответственность!

Комиссар Девуа попросил доктора перевести.

– *«В моей смерти я попрошу не винить никого,* – угрюмо прочел тот, а потом повторил по-французски: – *N'accusez personne de ma mort».*

– Никого не винить?! – воскликнула Zinette. – Да его убили эти шушеры, которые тут слонялись вокруг отеля уже который день!

– *Qu'est-ce que c'est – «chucheri»?*³ – не понял комиссар.

Доктор Селивановский пожал плечами:

– Какие-то подозрительные личности.

Мадам Морозофф разрыдалась.

Комиссар закатил глаза, как мученик на кресте. Он ждал от записки большего, а там ничего особенного, самый обычный текст. Сколько таких записок видел Девуа рядом с телами самоубийц! Некоторые из этих последних посланий были написаны вкривь и вкось, некоторые выведены тщательно, буква к буквке, – суть дела от этого не менялась. Ему, правда, показалось странным, что в записке застрелившегося русского *homme d'affaires* предложение начинается не с заглавной буквы, а в конце предложения не поставлен *le point*⁴. А впрочем, кто думает о правилах правописания или знаках препинания перед тем, как поставить свинцовую точку в конце своей жизни?!

³ Что это такое – «шушеры»? (*фр.*)

⁴ Точка (*фр.*).

Тут, впрочем, имелась еще одна тонкость, о которой комиссару так и не дано было узнать. Доктор Селивановский, по невнимательности, по рассеянности ли, бог весть почему, перевел текст записки в настоящем времени, а не в будущем, не обратив внимания на глагол «попрошу». *Попрошу никого не винить*, а не *прошу*! Впрочем, вряд ли Девуа нашел бы в этом что-то особенное...

Комиссар также не удивился тому, что сразу после текста листок явно был оборван. Быть может, несчастный самоубийца написал что-то еще, но потом раздумал, счел эти слова ненужными. Но куда он дел обрывок? Да какое это имеет значение! Главное заключено в этих сакраментальных словах: «N'accusez personne de ma mort...» И никакие *chucheri* тут совершенно ни при чем!

* * *

«...Вы сами знаете, что стали для меня всем на свете, средоточием Вселенной. Я ради Вас натворил столько глупостей, что сделался посмешищем в кругу своей семьи, да и вся Москва без умолку и очень зло судачит о моих „чуждачествах“. Впрочем, сие безразлично даже мне, а уж Вам-то – тем паче. Так и должно быть, ибо я для Вас не значу ничего и даже меньше, чем ничего. Я Вас никогда ни о чем не просил, я с благодарной покорностью принимал те крохи, которые Вам угодно было смести со своего стола в мои жадно простертые ладони, однако умоляю, заклинаю теперь: не унижайте меня! Не добивайте! И ежели каблучки Ваших туфель и в самом деле сделаны из обломков разбитых Вами мужских сердец, то мое сердце Вами не просто разбито – оно растоптано. Иногда мне кажется, что я уже не живу, что я уже давно мертв – душа моя мертва, Вы ее убили, а брэнное тело еще дожидает свою мучительную жизнь. Видимо, настанет день, когда сил у него достанет лишь на то, чтобы поднести к виску дуло да спустить курок. Но Вы можете не сомневаться: в моей смерти я попрошу не винить никого и Вас тем паче.

Не поймите превратно, я не собираюсь Вас пугать или шантажом добиваться возвращения Вашей благосклонности. Я просто хочу показать Вам, что дошел до предела, до ручки дошел, что и в самом деле нет никакого просвета в череде этих мучительных дней без...»

– Леонид! Что это вы делаете, позвольте вас спросить?! – раздался окрик, в котором звучало неподдельное возмущение. Однако мужчина, лежащий в постели, держа в руках два листка, исписанных крупным, неровным почерком, остался невозмутим.

– Читаю чужие письма, как вы могли заметить, – ответил он, бросив насмешливый взгляд прозрачных серых глаз на женщину в белом шелковом капоте, которая вошла в комнату. И как ни был этот человек хладнокровен, расчетлив и жесток, а все же что-то дрогнуло в его груди – в том месте, где у нормальных людей (если, конечно, они не террористы, не убийцы, не большевики, не организаторы некоего «военно-технического бюро»: лаборатории, производящей бомбы, гранаты и «адские машины», не тренеры боевиков) находится сердце.

Осталось две вещи на свете, которые могли заставить затрепетать «адскую машину», которая была вместо сердца у этого человека по имени Леонид Красин. Во-первых – абсолютная власть, к которой он стремился. Во-вторых – женская красота, которой он иногда позволял себе обладать.

О да, она была поразительно красива, эта особа, недавно перешагнувшая рубеж, который был определен Бальзаком для женщин в небезызвестном романе. Волшебный рисунок черт, бесподобная кожа, удивительные голубые глаза в кружеве ресниц, совершенные дуги бровей, высокий лоб и маленький твердый подбородок – все было великолепно! А ее тело, которое он лишь несколько минут назад трогал, обнимал, тискал, мял, гладил, хватал и целовал, как ему заблагорассудится, – тело было еще великолепней, чем лицо, оно могло свести мужчину с ума.

Красин вспомнил рассказ своей любовницы о том, что некий актер по фамилии Мейерхольд, первый раз увидевший ее, немедля врезался в нее по уши и накропал стишок, в котором увековечил изысканность ее белого платья по сравнению с безвкусными платьями прочих дам, а главное – воспел «морскую лазурь» ее глаз, которые казались так невинны по сравнению с другими глазами, так и горевшими греховным блеском.

О да, хмыкнул Красин: сейчас, в белом, с небрежно заколотыми золотисто-русыми волосами, это был ангел, суший ангел. Но в постели-то она вела себя совершенно как похмельная, не ведающая стыда вакханка! Притворщица... Что значит – актриса!

Она и в самом деле была одной из ведущих актрис Художественного театра, руководил которым некий Константин Алексеев, взявший себе псевдоним Станиславский. Какой же актер без псевдонима! Ведь и любовница Красина тоже играла под псевдонимом Андреева, хотя настоящая фамилия ее была Желябужская – по прежнему мужу, ныне отставленному.

Между прочим, эта редкостная красавица, собравшись устроить свою судьбу, подцепила себе мужчину не из последних: действительного статского советника (что по табели о рангах соответствовало генералу), главного контролера Курской и Нижегородской железных дорог. При этом тридцативосьмилетний Андрей Алексеевич Желябужский не был скучным и занудным чиновником: он страстно увлекался театром, был членом Общества искусства и литературы, членом правления Российского театрального общества. Двадцатилетняя разница в возрасте совершенно не ощущалась: молодоженов объединяли общие интересы. Разумеется, не к обустройству российских железных дорог, а к театру! Машенька происходила из семьи Юрковских – режиссера и актрисы Александринского театра.

В старой столице действительный статский советник Желябужский мог позволить себе только лишь «платоническую страсть» к театру, но потом увлекся им до такой степени, что, будучи переведенным в Тифлис (в той же должности – главного контролера Закавказской железной дороги), вступил в Артистическое общество и сам попробовал силы на сцене. Разумеется, на пару с очаровательной женой, красоте которой ничуть не повредило рождение в 1888 году сына Юрия. Чтобы не трепать на подмостках фамилию правительственного чиновника, Желябужские вышли на сцену под псевдонимом Андреевы. Обворожительная Машенька играла не только в драме, но и в опере – у нее был весьма недурной голос.

Весьма скоро господин Желябужский понял, что всякий почтенный человек, женившийся на молодой красавице, должен распроститься с покоем. И хотя жена пока что вроде бы была ему верна, но из-за таких женщин, как Машенька, в старину войны разгорались! И действительный статский советник начал всерьез опасаться, что кто-нибудь из этих горячих, словно раскаленные сковородки, грузин «зарэжэт» его, взвалит Машеньку поперек седла – и умчит прямо в горы! А Кавказ – он ведь ого-го... Разве найдешь там похищенную женщину?! Между тем от этих кавказцев черт знает чего можно было ожидать! Вот буквально на днях, на банкете в честь премьеры оперы Тома «Миньон», где Машенька пела главную партию, некий влюбленный в нее князь произнес – вернее, прорыдал! – в ее честь поэтический тост (что-то вроде: «Пуст вечно зыяют звезды ваших очэй!»), выпил до дна, а потом воскликнул:

– После тоста в чэст такой прэкрасный жэнщины болшэ ныкто нэ посмэет пит из этого бокала! – И, к немалому потрясению собравшихся, князь... съел свой бокал, жутко вращая при этом жгучими черными глазами и свирепо топорща едва пробившиеся усики.

Эх-эх, бедный мальчик, ему и восемнадцати не было! К вечеру того же дня у него сделалось желудочное кровотечение, и ночью он умер в больнице. Родня его – у него была половина Тифлиса в родне, да еще по окрестным аулам набиралась маленькая армия – ополчилась против Желябужских. Уже слышно было, как по окрестным домам точат сабли и коней седлают, да, на счастье, действительный статский советник оказался расторопнее местных джигитов, которым, как известно, чтобы в поход собраться, непременно нужно осушить рог кахетинского. Пока они пили до дна и на прощание пели своим женам «Сулико», Желябужские, прихватив лишь самые необходимые вещи, под покровом темноты тайно снялись с места и закрылись в служебном купе проходящего поезда. Вышли оттуда, лишь когда вершины Кавказа уже невозможно было разглядеть из окна.

И вот какую странную вещь обнаружил вдруг Андрей Алексеевич. Опасность угрожала прежде всего не ему, а Машеньке, однако он натерпелся гораздо больше страху! Не за себя – за нее, конечно. Однако ей-то словно бы вовсе не было страшно! Она, чудилось, упивалась опасностью. Риск пьянил ее... ну прямо-таки будто пресловутое кахетинское!

Андрей Алексеевич озадачился. Он и прежде подозревал, что женился на неисправимой мечтательнице, которая не может ужиться с реальным миром, потому-то ее так влечет сцена, где она ищет придуманных страстей, ненастоящего горя, игрушечных бед и бутафорских опасностей. Ладно, сцена – еще полбеды. Как бы жена не начала искать всего этого и в реальной жизни!...

Господин Желябужский немедленно принял все самые действенные меры, на которые только был способен, чтобы покрепче привязать Машеньку к дому. В октябре 1894 года она родила дочь Катю, но уже 15 декабря дебютировала на сцене Общества искусства и литературы. Ставили пьесу А.Н. Островского «Светит, да не греет», партнером Машеньки по сцене был сам Константин Алексеев – Станиславский.

Желябужский только вздыхал, осознав полный неуспех своих маневров. Но разве мог он подумать, что невинное увлечение жены театром примет такие маниакальные размеры?! «Уриэль Акоста», «Бесприданница», «Потонувший колокол», «Много шума из ничего», «Медведь» – за три сезона одиннадцать ролей, преимущественно основных, плюс к тому постоянные занятия вокалом... Дети, дом, муж были совершенно заброшены. Ладно, у сына хоть появился репетитор – студент ставропольского землячества Московского университета Дмитрий Лукьянов, ладно, дочкой и домом занималась сестра Машеньки, добрая, неприметная, тихая Катюша, но сам Андрей Алексеевич жутко приуныл, чувствуя себя ненужным. И одновременно с этим он вдруг ощутил, что темечко его начало как-то подозрительно свербеть. «Может, господи помилуй, вши завелись?» – брезгливо (он был чрезвычайно чисто-плотен) подумал однажды действительный статский советник. Помыл голову керосином и дегтярным мылом – не помогло. Чесалось отчаянно в двух конкретных местах: чуть повыше ушей, слева и справа от макушки. И вот наконец Андрей Александрович нащупал на сих местах некие... как бы это поизящнее выразиться... некие вздутия. Рога-с!

Кто, кто, кто был блудодеем?! С кем, с кем, с кем изменяла ему жена?! Кого, кого, кого должен убить Желябужский, чтобы смыть кровью свой позор?!

Первое, что пришло в голову, – Станиславский. Высокий, черноволосый, болтливый веззнайка, забавный и обаятельный...

Желябужский затаился, принялся наблюдать. Он достаточно хорошо знал Станиславского и его семью. Константин Сергеевич любил свою жену, крохотную и хорошенькую, словно сказочный эльф, Марию Лилину. Далее флирта с хорошенькими актерками (это было

необходимо ему, чтобы постоянно ощущать вдохновение) он никогда не заходил. Нет, не Станиславский – любовник актрисы Андреевой. Но кто? Кто, черт бы его подрал?!

Андрей Алексеевич чуть не умер от изумления, обнаружив, что им оказался тот самый Митя Лукьянов, которого Желябужский по протекции одного знакомого нанял к своему сыну воспитателем. Белолицый, чернобровый и чернокудрый – суший романтический герой! – мальчишка был картинно красив, а его скромно потупленные глаза могли бы ввести в заблуждение кого угодно. Этими своими глазами и голосом он умел так играть, что чувствительных дамочек дрожь пробирала до самых интимных местечек...

Бог весть, влюбился ли Митя в Марью Федоровну. Пожалуй, ему просто захотелось попробовать силу своих чар на этой удивительной красавице. Ну и она была тоже дама искушенная, она привыкла, что мужчины, старые и молодые, валяются к ее ногам как подкошенные. Эти двое начали играть друг с другом – и заигрались до того, что оказались на удобной кушетке в укромном уголке гостиной, где и предались неумемной страсти.

Парочка оказалась достойна друг друга.

Марья Федоровна даже и не подозревала, что женщина может испытать *такое*! Пробыв замужем шесть лет, родив двух детей, она оставалась совершенно девственна в любовной игре. Лишь сейчас она поняла, что любовь на театральных подмостках, в которой она искала замены реальной плотской страсти, всего лишь жалкая сублимация, которая отныне ее не будет удовлетворять. Уже в ту минуту, когда она билась в судорогах наслаждения, прикусив отворот студенческой тужурки (раздеваться не было времени) своего юного любовника, чтобы заглушить счастливые стоны, она уже знала, что отныне только *это* будет главной радостью ее жизни. Именно *это* – потому что сцена не дает такой остроты ощущений, такой безумной радости риска (ведь в любую минуту в комнату мог войти кто угодно, от горничной до несвоевременно вернувшегося со службы мужа), такой сладости от вкушения запретного плода... такого физического блаженства, в конце концов!

Она бы непременно влюбилась в черноглазого мальчишку, когда бы супруг не прозрел. Он вышвырнул Дмитрия вон, пригрозив, что добьется его отчисления из университета.

Марья Федоровна, которая подслушивала их объяснение под дверью (Желябужский потребовал, чтобы она оставила их вдвоем для «мужского разговора»), только ухмыльнулась: да разве муж решится вынести сор из избы и выставить себя публично рогоносцем? Над ним ведь вся Москва хохотать будет! Но вдруг она насторожилась. Желябужский говорил что-то непонятное. О каких-то прокламациях, которые Дмитрий прятал в комнате своего воспитанника Юры, среди его книг. Оказывается, их случайно нашла горничная. То есть Митя во всех смыслах употребил во зло доверие, которым облек его господин действительный статский советник: мало того, что склонил ко греху его жену (Желябужский по-прежнему тешил себя надеждой, что Машенька согрешила в минуту некоего затмения), да ведь еще и злоумышляет против правительства! Вон из моего дома, проклятый бунтовщик и растлитель!

Дмитрий более не показывался у Желябужских. Машенька с блеском провела сцену раскаяния и получила от мужа отпущение всех грехов. Однако она восприняла его прощение как индульгенцию на будущее – и наутро, вместо того чтобы ехать на репетицию в театр, отправилась в Замоскворечье, где у старенькой, обедневшей купеческой вдовы снимал дешевую комнату Митя.

Связь их возобновилась, однако длилась не столь долго, как хотелось бы Марье Федоровне. Ее любимый мальчишка заболел, да как... Урывками прибегала мадам Желябужская-Андреева ухаживать за ним, хотя бы у постели посидеть, если уж нельзя было полежать в этой постели. Да, приходилось осторожничать – похоже, у Мити чахотка, а вовсе не тяжелый бронхит, как решили сначала... Сидя над ним, забывшимся в беспокойном сне, Марья Федоровна от скуки начала почитывать брошюры, которые Митя прятал под подуш-

кой. Принадлежали они перу какого-то человека по имени Карл Маркс и показались Марье Федоровне на диво скучными. Гораздо интересней были разговоры с Митиными гостями.

К ее изумлению, в приятелях у ее юного любовника хаживали не только безденежные шалые студизусы, но и люди вполне серьезные: приходил какой-то работяга по имени Иван Бабушкин, а другие предпочитали представляться не то псевдонимами, не то кличками. К примеру, среди них оказался некий Грач – с длинным лицом, с ледяными, словно бы пустыми, глазами, а как-то раз мелькнул человек, который назвался Никитичем, хотя это простоватое отчество никак не вязалось с его обликом истинного денди. Разок забежал какой-то малорослый, лысоватый, с хитрыми, вечно прищуренными глазками, которого называли товарищ Ильин (они тут все были товарищи, сии загадочные господа). Потом, позднее, Марья Федоровна узнала, что Грачом звался Николай Эрнестович Бауман, Никитичем – Леонид Борисович Красин, ну а товарищем Ильиным оказался не кто иной, как предводитель всей социал-демократической братии – Владимир Ильич Ульянов-Ленин.

Народ этот показался Марье Федоровне необычным, рискованным и интересным. Ошибался ее муж: она вовсе не была мечтательницей, она была авантюристкой и в Митиных гостях почуяла родственные души. Она с удовольствием продолжила бы знакомство с ними (особенно с Красиным, насмешливая полуулыбка которого ее волновала до дрожи в том же самом, уже упомянутом местечке), да вот такая беда приключилась: о болезни сына прослышали Митины родители, ставропольские мещане, и нагрянули в Москву. Застав сына при последнем издыхании (товарищи-то в основном разговоры с ним вели – о светлом будущем рабочего класса, сугубо наплевав на настоящее – сгорающую в скоротечной чахотке молодую жизнь), родители всполошились и вознамерились увезти беднягу на жаркое южное солнышко. Однако, увы, поздно спохватились: Митя умер – к великому изумлению его любовницы, которая настолько увлеклась умственными и опасными беседами с вышеназванными товарищами, что совершенно перестала слышать надрывный кашель своего «милого мальчика».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.